

Под грустным светом лун

Михаил Сопин (род. 1931 — † 11.05.2004)
г. Вологда, Россия

Пополёк

* * *

Подари мне листок, тополёк,
Золотого оклада иконку.
Ты своею листвою поблёк.
Я своей облетаю тихонько.
Сердцем чувствую
Ласку и боль,
Болевое щедрей выдаётся.
Мы до грусти похожи с тобой,
Отражаясь в судьбе,
Как в колодце.
Я тебя понимаю, дружок,
До глубинных корней понимаю.
Сам не раз свою душу ожёг
О бураны
На подступах к маю:
В балагане для массовых сцен
Одиночкой пропел я во поле.
Был свободным
Меж карцерных стен.
Был невольником классовой воли.
Путь земной мой
Едва ли далёк.
Жизнь нас рубит,
Как яростный конник.
Протяни мне ладонь,
Тополёк,
Сквозь решётку
На мой подоконник.

Всё прозрачнее
Верб купола.
Что-то рвётся во мне,
Что-то ропщет.
Может, юность
Внезапно взошла,
Словно месяц
Над дальнею рощей?
Кто ты? Где?
Отзовись... Не молчи.
Но душа
Что-то ищет незряче:
То ли кто-то,
Забытый,
Кричит,
То ли кто-то,
Отвергнутый,
Плачет...

* * *

Облака. Облака...
Над летящими в хмарь колокольнями
Гонят ветры годами
Остатки легенд и былин.
Чем-то вы мою жизнь,
Мою ниву судьбы так напомнили,
Сиротливые церкви
И тучи в бездонной дали.
Чувство вечных утрат,
Непонятно каких опасений,
Разобрать не могу —
На каком языке говорят,
Будто я, проходя,
Упаду в гололедье осеннем,
И прольётся навек
Невзначай опрокинутый взгляд.
Мокрый снег полетит
На ресницы
Так грустно, так цепко!
Поплывут облака,
Осенив мой печальный удел.
А над берегом так же
Стоять будет тихая церковь,
На которую я,
Проходя по России,
Глядел.

* * *

Кто сказал, что не чувствуют птицы?
Кто сказал,
Что не плачет трава?
И душа,
Перед тем, как разбиться,
Высочайшей печалью жива:
К маяку, к тростнику у болотца,
К тополям, что выросли в хутора,
Ко всему, что ещё остается,
Ко всему, с чем прощаться пора...
Поглядишь на врага, как на брата!
Чуя сердцем непрочную нить —
Как же так,
Уходить без возврата,
Как же так?
Чтоб не стать,
Чтоб не быть?
Тяжко, душно —
Вон месяц над чащей!
И молюсь на коленях, в пыли —
Будто мне
По ошибке дичайшей
Приговор
Безнадёжный
Прочли.

* * *

Согрелся на стылом,
Ожёгся на милом
Душою земною.
А что это было?
А с кем это было?
Со мною. Со мною.
Грядущее — клином.
Прошедшее — ливни
По пеплу разора.
И путь мой не длинный.
И плоть моя — глина.
И слёзы — озёра.
О доля, за что так?
В двенадцать окошек
Где дом мой лучистый?
Глухая толока.
И род мой подкошен
И вытоптан. Чисто.
И слово — улика.
И немость — улика.
А в сердце доньине
На месте калитки
Росинок улыбки
На стеблях полыни.

* * *

Капель роняют провода.
Последний лист пожух.
Вослед размывшимся годам
Я слова не скажу.
Войдя
В заснеженную муть,
Подстать моей судьбе,
Я молча руку подниму —
Туда, где нет небес.
За то,
Что дальний звёздный свет
Мне столько лет не гас.
За то, чего в помине нет —
Снега, снега, снега.
Из глубины,
Где нет минут,
Нет света,
Нет огня,
Живущим —
Руку протяну
Туда —
Где нет меня.

* * *

Не сказывай, не сказывай
О горечи финала.
Печаль югою газовой
Глаза запеленала.
Простая ли, простая ли
Твоя кручина разве,
Когда снежинки стаяли
И покатились наземь.
Весь свет померк и стал немил,
Больное сердце донял...
И дом колотит ставнями,
Как по щекам ладони.

Дождь сорок первого года

Низкое небо.
Подводы.
Ночь. Непокой. Неуют.
Дождь сорок первого года
Падает в память мою.
Медленно.
Косо.
Отвесно.
Кажется —
Вечность шуршит
Каплями будущих песен
В детское поле души.
Будто бы хочет впечатать
Всё, что кончается здесь:
Неповторимость печали,
Неповторимость дождей,
Неповторимое детство —
Этот мгновенный пролог,
Зная,
Как долго мне греться
Памятью этих дорог.

Корова

Дым ползёт от хвороста сырого,
 Виснет на кустах невядалеке.
 Бабкина пятнистая корова
 Тащит в дождь меня на поводке.
 Листика коричневого орден
 Прилепился на её губу,
 И слезинки катятся по морде
 За мою сиротскую судьбу.
 Я гляжу надуманно-сурово
 И в который раз, кривя душой,
 Говорю ей: «Ты не плачь, корова,
 Ты не плачь... Я вырасту большой!
 И тогда ходить тебе не надо,
 В вымокшее поле глаз кося,
 Да и мне в колдобинах не падать,
 В сапогах солдатских грязь меся».

1941

Ни седоков,
 Ни окриков погони —
 Видений бег?
 Сквозь лунный хуторок
 В ночное поле
 Скачут,
 Скачут кони.
 В ночное поле.
 В призрачность дорог.
 Вбирает даль,
 Распахнутая настежь,
 Безумный бег,
 Срывающийся всхлип.
 Им несть числа!
 Ночной
 Единой масти
 Исход коней
 С трагической земли!
 Багровый свет —
 То знаменье иль знамя?
 Предвестный свет
 Грядущего огня...
 Я жив ещё
 И до конца не знаю,
 Как это всё
 Пройдёт через меня.

Пехота

Снежит, дорожки заметая!
 Гляжу в себя —
 Не тот уж пыл:
 За полстолетия скитанья
 О многом, думалось, забыл.
 Когда бродил босым по полю?
 Глядел в полночь у крыльца?..
 Но есть такое,
 Что я помню
 И буду помнить до конца:
 За сто шагов до поворота,
 Где Ворскла делает дугу,
 Далекой осенью
 Пехота
 Смешалась
 С грунтом на бегу.
 И стала тихой и свободной,
 Уйдя в прилужья и поля
 Сырой земли
 С преградой водной
 У деревеньки Тополя.
 Подбило память серой льдиной:
 Я здесь и плакальщик, и гость.
 За всё про всё —
 Надел родимой
 Земли моей
 Досталась горсть.

* * *

Глухой безвыходностью заперт,
Я вижу
Прошлого фасад:
Мы шли солдатами на Запад,
Вернулись
Пленными назад.
Зачем я это вспоминаю?
Так жаждал верить
В то, что есть
Другая жизнь,
Совсем иная!
Да не про нашу, вышло, честь...
Маразмом общества контужен,
Я знаю фронт.
Я знаю быт!
Солдат — герой,
Пока он нужен.
Война окончена —
Забыв.

* * *

Тревожно.
Ветер зол, летуч,
Свистит,
До теней всё объемля.
И луний глаз
Сквозь веки туч
Глядит задумчиво на землю.
Предвестьем смуты
Снег кружит
И прочь несёт в ночные дали,
Как будто где-то мятежи,
Каких ещё и не видали.
Тревога. Ночь.
Вьюжит в степи.
Бурану ль быть,
Чему другому?
Душа натянута,
Как нить,
И сердце пьёт кровавый гомон.

* * *

По улицам
Свет близорукий.
Случайные призраки встреч.
И странные синие звуки,
Живую обретшие речь.
Смещаются люди и тучи.
И ветер —
Как мокрая плеть.
И всё-таки
Как разнозвучно
Звонят тополя в гололедь!
Качаются бледные тропы —
Вечерние светят огни.
О чём ты,
Души моей тополь,
В раскатную наледь звенишь
То весело, то обречённо?
И медленно —
Будто во сне —
Бесплотный
От сумерек чёрных
Летит и не падает снег.

* * *

В моих стихах
Осенний стылый шум,
Иль путник мнёт
Дороги хлипкой жижу.
Но я солнце
Изредка пишу
Лишь потому,
Что сам его не вижу.
Во мне душа
Сорокой на колу
Сидит, как спит,
С закрытыми глазами.
И путь пролёт
Под грустным светом лун,
Где в полночь
Тихо-тихо плачет заметить.
О чём она —
То плачет, то поёт?
Нельзя понять.
Но в том многоголосье
Мне кажется
Минувшее моё,
Как втоптанное
В пахоту колосья.

* * *

Над белой бездной бытия —
Глаза, глаза... Живых и бывших.
Читаю ли,
Молюсь ли я:
Прости, земля,
Меня убивших.
Кипит снегами полынья,
Бьёт по лицу, по синей коже —
Стоит над тундрой
Тень моя,
На сорок лет
Меня моложе.

* * *

Где оно, что было?
Горький дым потерь.
Мне твоей могилы
Не найти теперь.
В памяти —
Скрип зыбки
В давнем далеке.
Свет твоей улыбки
На моей щеке.
Пыль по мёртвым травам.
Изморозь по льду.
Но над отчим краем
Я зажгёг звезду,
Чтоб она в дорогу,
Где дороги нет,
Всем, забытым Богом,
Обронила свет.
Сумеречный вечер.
Зыбкий снеговой.
Ни лица,
Ни речи,
Ни стези моей.

